

НАТАЛЬЯ КОРНИЕНКО

“ПОКРОЙ ЕСЕНИНСКИЙ МНЕ УЗОК...”

ЕСЕНИНСКИЙ ТЕКСТ И КОМСОМОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ В 1925—1926 гг.

*Работай и смейся,
Кудрявое племя:
К лицу тебе крепость
И буйная прыть.
В такое сухое
И жаркое время
Лишь только б работать,
Смеяться и жить.*

Павел Кустов,
“Песня о бодрости” (1925)¹

Заявленная тема не относится к разряду широко изучаемых. Это и понятно, питательного здесь не так много, большая часть материала относится к проблематике культурного и литературного процесса первого советского десятилетия. О поэтах-комсомольцах Есенин (в отличие от пролеткультовцев и кузнецов) публично не высказывался. Может быть, и поэтому поэты-комсомольцы и комсомольская тема практически отсутствуют в комментариях произведений Есенина. Думается, это не совсем справедливо.

Материалы к реальному комментарию комсомольской темы в творчестве Есенина появились лишь в 2008 году. Это краеведческая статья Ю. Блудова “Задрал штаны, бежать за комсомолом...” (С. Есенин и комсомольцы села Константинова). Исследователь по-своему прав, возражая категорическому утверждению Куняевых, что Есенин про комсомольцев всё “придумал, никакого “Капитала” Екатерина в руки не брала, как и он сам”: “Екатерина, как и сам Есенин, в руках “Капитал”, конечно, держала, так как в комсомольских ячейках на повестке дня одним из главных стоял вопрос о ликвидации политической неграмотности, а в сельской библиотеке, которой пользовалась константиновская молодежь, и Есенины в том числе, такая книга была...”². Приведённые в статье документы свидетельствуют, что в 1920–1921 годах в Константинове была создана комсомольская ячейка, что одна из сестёр Есенина – Екатерина была членом РКСМ и принимала активное участие во всех комсомольских мероприятиях и шествиях, которых было немало: создание “уголков безбожников”; проведение “комсомольских” рождества и пасхи; шествия по селу с пением революционных песен и частушек Д. Бедного и т. п. Младшей сестре поэта Александре в ту пору было всего 9–10 лет, и ни тогда, ни позже (в 1924–1925 годах.) в рядах комсомола она не состояла. Со многими активными комсомольцами района Есенин был лично знаком. Составленная исследователем реальная хроника жизни константиновской комсомольской ячейки даёт ещё одно важное свидетельство: уже в 1922 году бурная деятельность её пошла на убыль, и в год написания “Возвращения на родину” (1924) ячейки в Констан-

тинове не было³. Если перевести эту информацию в план реального комментария, то получается, что в “Возвращении на родину” Есенин не совсем точен и описывает ситуацию не 1924-го, а 1921 года. Однако, представляется, подобный вывод при всём его документированном обеспечении страдает неточностью, свойственной чисто социологическому подходу к художественному произведению – без включения реального литературного контекста и при игнорировании символической природы поэтического текста.

В нашей статье речь пойдёт прежде всего о реальном литературном контексте есенинского сюжета “возвращения на Родину”, который позволяет нам в “придуманном” (здесь Куняевы правы) Есениным увидеть глубину исторической точности поэта, а в проекции реальных событий 1921 года на 1924 – не менее реальные, чем хроникальные факты, тенденции культурной жизни.

Комсомольская тема развивается в “маленьких поэмах” Есенина 1924 года весьма динамично и, как нам кажется, не без откровенных намёков прежде всего на комсомольскую поэзию как определённое эстетико-идеологическое явление. Первый комсомольский сюжет появляется в “Возвращении на родину” (1 июня 1924 года) и даётся через восприятие деда:

*“А сёстры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки.
На церкви комиссар снял крест...”*

и лирического героя:

*И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый “Капитал”,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.*

В хронологически следующей за “Возвращением на Родину” “Руси советской” комсомольский сюжет появляется в череде зарисовок новой деревни: здесь нет ни деда, ни матери, нет примет старого, только черты новой “юной” и “здоровой” жизни:

*С горы идёт крестьянский комсомол,
И под гармонику, наявивая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Весёлым криком оглашая дол.*

Вечная в своей неразрешимости тема пути-дороги, как в сказке, в “Руси советской” переводится у Есенина в лирический сюжет выбора поэта на развилке дорог. Прямо пойдешь – “Приемлю всё, / Как есть всё принимаю. / Готов идти по выбитым следам, / Отдам всю душу октябрю и маю...” – себя в современности найдешь, символами которой являются идея мировой революции (октябрь) и коммунистического интернационала (май – символ Интернационала; День Интернационала, первый государственный праздник советской России, отмечался 1 мая). Правда, следующая строка – “Но только лиры милой не отдам” задаёт радикально иной поворот для поэта, и не прямо, “по выбитым следам”, и не влево, и не направо, а возвращение к вечному. В финальной строфе некое равновесие двух правд оформлено даже графически равным количеством строк: четыре – о построенном будущем, воцарившемся с победой мировой революции и коммунизма, – “Но и тогда, / Когда на всей планете / Пройдёт вражда племён, / Исчезнет ложь и грусть” – и четыре – о вечной лирической теме поэта: “Я буду воспевать / Всем существом в поэте / Шестую часть земли / С названием кратким “Русь”.

Обретённое в “Руси советской” равновесие – внешне хрупкое, но метафизически устойчивое, ибо разрыв времени снимается через категорию вечного, которой у Есенина отмечаются лирика, родина-Русь, отчий дом. Эта же мотивация “вечным” работает и в разрешении временной дилеммы в “Пись-

ме матери”, а потому после “к старому возврата больше нет” следует снятие оппозиции прошлое – настоящее, и вместо будущего появляется вечное: “Ты одна мне радость и отрада, / Ты одна мне несказанный свет”. “Несказанный свет” относится к вневременному символическому языку культуры.

В “Руси уходящей” (2 ноября 1924 года) дважды звучат знаменитые строки: “Знать, оттого так хочется и мне, / Здрава штаны, Бежать за комсомолом”. В экспозиции:

*Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении весёлом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрава штаны, бежать за комсомолом.*

И – в финале:

*Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрава штаны, бежать за комсомолом.*

Знал ли Есенин о поэтах-комсомольцах – вопрос риторический. Конечно, знал. Точнее даже, не мог не знать. На поэтической карте русской поэзии вернувшийся в феврале 1923 года из-за границы Есенин обнаружил явление, о котором ещё в 1922 году никто серьёзно не говорил и даже не помышлял. Это и не пролетарские поэты, блиставшие в годы гражданской войны и военного коммунизма, и не поэты-футуристы во главе с Маяковским, а целый отряд ранее никому не известных поэтов-комсомольцев, мощно поддержанных главными стратегами государственного культурного строительства Л. Троцким, Н. Бухариным и А. Луначарским. Этот контекст “возвращения на Родину” прочитывается в единственном (!) упоминании Есениным имени главного поэта литературной комсомологии – А. Безыменского: “Уже давно стало явным фактом, как бы ни хвалили и ни рекомендовали Троцкий разных Безыменных, что пролетарскому искусству грош цена, за исключением Герасимова, Александровского, Кириллова и некоторых других. . .” Статью “Россияне” Есенин в ноябре-декабре 1923 года не дописал. И это понятно. Кто бы из советских редакторов, прочитав первое предложение – “Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живём”, – опубликовал осенью-зимой 1923-го такое? Осенью 1923-го готовились к мировой революции в Германии. Только что (ноябрь) вышла книга главного стратега культурной жизни первого периода нэпа Л. Троцкого “Литература и революция”, признанная тогда же главным событием не только литературной критики, но и новой советской литературы. В первых откликах на книгу Л. Троцкого, опубликованных на страницах центральных газет и журналов, вообще господствовала панегирическая интонация. “Так писать умел только Гейне”⁴, – возторгался будущий ведущий критик “Передела” А. Лежнев. Рецензенты дружно утверждали, что Троцкий не просто затронул, а “отчасти разрешил” самые важные вопросы⁵. “Блестящая книга, блестящий вклад в нашу пролетарскую литературу!”⁶ – писал А. Луначарский в пространной и по духу верно подданнической статье “Лев Давыдович Троцкий о литературе”, выстроенной на сопоставлении цитат из собственных работ с основными тезисами книги Троцкого. На “первое место” в современной критике ставит книгу Троцкого Б. Эйхенбаум⁷. К авторитету Троцкого апеллируют пролетарские критики, начав разработку классово-схематического понятия литературного попутничества (левые попутчики, правые попутчики, центр-попутчики и т. п.). На Троцкого неизменно ссылаются А. Воронский при анализе “переходной эпохи” и задач в области культуры. В культурно-исторической схеме Троцкого крестьянствующий Есенин, как и названные в есенинской статье отнюдь не крестьянствующие пролеткультовцы и кузнецы Герасимов, Кириллов и Александровский, вписывались в традицию далёкой от нужд современности той ветви “ветхой” русской лирики, которая идёт от русского символизма, с его национальной религиоз-

но-философской доминантой мирознания и космизмом. Осенью-зимой 1923-го Троцкий обращается с приветствием к молодогвардейцам по случаю годовщины одноименного журнала, печатает в “Правде” рецензию на книгу Безыменского “Как пахнет жизнь”: “Первая небольшая книжка Безыменского есть подарок и обещание. Безыменский – поэт, и притом свой, октябрьский, до последнего фибра. <...> Из всех наших поэтов, писавших о революции, для революции, по поводу революции, Безыменский наиболее органически к ней подходит, ибо он её плоти, сын революции, Октябrevич. Ему, Безыменскому, нет надобности “планеты перекидывать, как комья”. Ему не нужны космические размеры, чтобы чувствовать революцию. Перелицовка аристократической блоковщины, с её мистической (или космической) музыкой восстания, чужда ему. <...> Безыменский – поэт, подлинный, настоящий”⁸ и т. п. В качестве поэтического образца Троцкий приводил строки из стихотворения-манифеста Безыменского “Поэтам “Кузницы” (1923), направленные против схематизма “космических” устремлений пролетарских поэтов “Кузницы”: “Довольно неба / И мудрости вещей! / Давайте больше простых гвоздей / Откиньте небо! Отбросьте вещи! / Давайте землю / И живых людей”. В качестве предисловия статья Троцкого печаталась во всех изданиях книги Безыменского – до 1928 года. В опубликованной в декабрьском номере журнала “Прожектор” за 1923 год (выходил под редакцией Н. Бухарина и А. Воронского) поэме Безыменского “Комсомолия (Страницы Эпопеи)” Троцкий причислен к породе “коммунистического Данко” и назван в числе “учителей” молодого поколения: “Ленин и Троцкий! Ленин и Троцкий! / Сколько вместились в вас наций и стран”; “Из нас бы каждый сердце вынул / Иль с радостью хоть где корпел, / Чтоб только быть достойным сыном / Огромной мамы – РКП”⁹. Легендарный нарком – святое для поэтов-комсомольцев имя; именно с ним, среди всех вождей революции, связывают они свою судьбу и путь от русской революции – к революции мировой, ему посвящают почти все они свои лирико-патетические послания:

*Нам вчера, как гудок заводской,
Разжигающий гулкий простор,
Бросил зычной медью Троцкий —
Седящий военмор:*

*— Эй, борьбой огранённая юность,
Отплывай, отплывай грозовой
К берегам всесветной Коммуну
Кораблями кочующих дней!*¹⁰

“...новый человек не сформируется без новой лирики. Но чтобы создать её, поэт сам должен почувствовать мир по-новому. Если над его объятием склоняется непременно Христос или сам Сафаоф (как у Ахматовой, Цветаевой и Шкапской и др.), то уже один этот признак свидетельствует о ветхости такой лирики, об её общественной, а следовательно, и эстетической непригодности”¹¹ – в этой формулировке Троцкого 1923 года заключена главная стратегическая установка культурной революции и содержится объяснение триумфального победного возвышения отряда поэтов-комсомольцев. В советской поэзии 1922–1925 годов – это был едва ли не главный отряд поэтов, с которым новое государство связывало магистральную линию прорыва в области строительства концептосферы новой культуры с радикальным отрицанием базисных основ народной русской жизни, русской культуры и идеологически “ветхой” русской поэзии. Говоря современным языком, это был один из первых государственных культурных проектов нэповской эпохи. Комсомольский литературный проект поддерживают левовцы, считавшие себя учителями молодогвардейцев. Сдержанным оставалось отношение к комсомольским поэтам у А. Воронского. Изначитожале ироническим было отношение у “кузнецов”. Уже в первом номере “Рабочего журнала” (орган “Кузницы”) печатается язвительная рецензия виднейшего теоретика марксизма Л. Аксельрода на книгу ведущего поэта комсомолии А. Безыменского “Как пахнет жизнь”: “...стихи о себе, о том, что в революции самое интересное, это я – поэт Безыменский, который всё знает (стих. “Коммунист”), разрешил все вопросы,

причём попутно произвёл сына, такого же замечательного, как и его автор. <...> Как пахнет жизнь? Хуже всего она пахнет в стихах поэта, лишённого художественного вкуса и синтетического чутья... <...> Тов. Безыменский исправный партработник и хороший семьянин, но зачем же посвящать этому целую книжку стихов и угощать пролетарского читателя тёплым навозом семейного счастья¹². Но подобные оценки поэтов-комсомольцев для 1924 года – скорее исключение из правил. Литературную комсомолию поддерживают на всех этапах власти. Для неё создаются многочисленные периодические издания, толстые (“Молодая гвардия”) и тонкие журналы (“Комсомолия”, “Смена”, “Журнал крестьянской молодёжи”, “Крестьянка” и др.); книги стихов молодогвардейцев печатают все издательства; в издательстве “Молодая гвардия” создаётся специальная серия “Комсомольские поэты и писатели” и т. п. “Армия поэтов” (заглавие статьи О. Мандельштама 1923 года) пополняется рабселькорским движением, которое курируется ЦК партии (Н. Бухарин) и ЦК комсомола. На этом направлении идеологические установки и задачи также оставались определяющими. Приведём характерный ответ редакции молодёжного журнала “Смена” поэту-рабселькоровцу Крылову:

“Видишь, друг, нам сейчас нужны стихи совсем не такие, какие нужны в старую “Ниву”. Они ничего не говорят и ничему не учат, а любоваться природой по-барски нам не годится, вредное это занятие. А ты пишешь о сосенках и пихтах и, конечно, слабо.

*Жалобно он воев,
Стонет и свистит,
И о счастье прошлом
Сказку говорит.*

Довольно о прошлом. Настоящего побольше надо. Читай наших революционных поэтов и учишься у них¹³.

С 1925 года поэты-комсомольцы ведут литературную страницу в “Комсомольской правде”. Их поддерживает партийная и литературная критика в лице П. Когана, Г. Лелевича, М. Беккера, Г. Горбачева, В. Друзина и др.

Государственно-партийной школой воспитания новых писателей являлись группы “Молодая гвардия”, “Рабочая весна”, ленинградские “Смена” и “Стройка”, представляющие комсомольский призыв в пролетарскую литературу. В этой школе преподавали основы новой идеологии литературы: обучали партийному пониманию русской и мировой истории, марксистскому взгляду на религию, мораль, семью и любовь, воспитание детей, закладывали основы научного мировоззрения и т. п. В этих “питомниках нового человека” формировалась особая генерация “комсомольской интеллигенции¹⁴. Форпостом пролетарско-комсомольской школы стал журнал “Молодая гвардия”. Сначала в его редколлегии был всего один писатель – Ю. Либединский, все остальные, включая Л. Авербаха, фактического редактора журнала, вскоре ставшего одной из ключевых фигур пролетарского литературного движения, являлись работниками ЦК партии и ЦК комсомола. Журнал вел активную воспитательную работу. По вопросам молодёжной политики на страницах журнала часто выступает Н. Бухарин; по антирелигиозной работе – главный “безбожник” советской России Е. Ярославский; по вопросам истории России – руководитель Коммунистической академии, главный историк-марксист М. Н. Покровский, создатель ставшей определяющей (вплоть до 1935-го, времени закрытия Коммунистической академии) формулы исторического знания: история есть политика, опрокинутая в прошлое. В “вольном-философском клубе” журнала марксисты-философы и партийные журналисты популярно объясняют, что прежние “кантианские” и толстовские критерии нравственности уходят в прошлое¹⁵, а пролетарии перестают верить в Бога. К примеру, с таким чевенгурским резюме к базовой марксовой идее “Коммунистического Манифеста”: “... бедняк, это существо “без роду, без племени”, без предков. Может быть, он ещё вспоминает по временам о недавно умерших, о родителях. Но дедам, а особенно прадедам, он уже ничего не приносит. Они окончательно умерли не только для “этой”, но и для “той жизни”¹⁶. Постоянными авторами журнала являются деятели Наркомпроса и Свердловского коммунистического университета. С циклом “Писем к трудящейся молодёжи” по вопросам “личной жизни”, то есть коммунистической морали, семьи и брака, выступает А. Коллонтай. В первом

письме обещает, что “при коммунизме мораль отомрёт”¹⁷, сейчас же, когда страна находится “на переломе”, мораль ещё нужна, но это уже другая мораль, радикально отличная от старой, с её устаревшими заповедями “не грабь”, “не воруй”, “не пожелай чужой жены”¹⁸ и т. п. Во втором письме Коллонтай вновь обрушивается на старую мораль, которая “поднимает голову и душит ростки новой пролетарской идеологии”, крушит “наиболее яркого представителя буржуазного мышления” Канта за нравственный категорический императив, за ложное утверждение, что в самом существе человека якобы заложено чувство долга¹⁹. Вечно живым для молодёжи вопросам пола Коллонтай посвятит третье письмо – “Дорогу крылатому Эросу. Труд, наука и техника”²⁰. Тема любви и пола не сходила со страниц журнала. Назовем ещё одного воспитателя молодого гвардейцев, участника “трибун” журнала – А. Залкинд, профессор Свердловского коммунистического университета и автор широко рекламируемых для молодёжи книг “Двенадцать половых заповедей пролетариата” и “Мораль и быт молодёжи”.

Публикуемые в “Молодой гвардии” и других изданиях стихи комсомольцев всецело вписываются в разрабатываемую журналом новую идеологию жизнепонимания. Можно сказать, что именно на этом направлении в 1922–1925 годах была создана действительно новая поэтика – поэтика радостного принятия революционной современности, с экзальтированно-романтическим идеализированием темы мировой революции, Гражданской войны и культом новой книги. Без преувеличения, вся рекомендуемая партийная литература прямо (в заглавиях) или косвенно (в образах и идеях) была воспета в стихах поэтов-комсомольцев. “Самая молоденькая книжка / Самых старых стариков умней”²¹ – в этих строках М. Светлова выражена ключевая идеологема лирики комсомолов. Среди главных книг на первом месте у комсомольцев – “Капитал” Маркса:

*В общежитии, заплёванном, прохладном,
Когда вечер синью заплывал,
Я вдыхал за буквой букву жадно,
Впитывал страницами “Капитал”...²².*

За “Капиталом” следуют труды Ленина, “Азбука коммунизма” (1920) Бухарина и Преображенского, “Вопросы быта. Эпоха “культурничества” и её задачи” (1923) Троцкого и в целом литература по “новому быту”. Последней было не мало, в её создании активное участие принимали сами поэты-комсомольцы, что они, впрочем, и описали в своих стихах и поэмах.

В статье 1925 года о А. Безыменском известный критик и литературовед П. Коган с восторгом пишет о том небывалом в русской литературе – до поэтов-комсомольцев – мирознании, которым отмечено их творчество. Если отбросить эмоциональные перехлёсты критика, то ему нельзя отказать в чёткости формулировок. 1) “Они пришли... не только без старой интеллигентской рефлексии, без надрыва, но и без трагизма, без усталости, без мрачных воспоминаний, которые временами врываются в работу самых закалённых бойцов”; 2) “Поэзия Безыменского проникнута... весёлым чувством победителя, бодрой любовью к миру, как к своему достоянию. Он любит всё, как хозяин, как распорядитель...”; 3) “Безыменский первый создал песни, в которых ничего не осталось от... напряженности, от высокого трагизма предшествующей поэзии”; 4) “Он открывает новую страницу в истории пролетарской поэзии. Он, кажется, первый, кому привольно в новом мире отношений, без собственности, без старой формы семьи, без всяких тех цепей, которыми сковало человеческую личность буржуазное общество.

*Завод — отец. Ячейка — дом.
Семьица — книги, труд — ребята.
Мы в Комсомолки живём,
В стране весёлой и богатой...”²³.*

Когану вторят другие: “это лучшее свидетельство, что она (революция. – Н. К.) не надорвана, что она молода, наша великая революция! Ведь у этих молодых певцов её нет никакого надрыва. <...> Это – весёлые комсомольцы,

компанейские люди. <...> От этого у них такая бодрая и веселая музыка”²⁴; “Молодая гвардия” – “колыбель комсомольской литературы”²⁵; “После Доронина трудно назвать такого поэта, который так тесно, органически связал бы своё творчество с деревней”; “выдающийся поэт нашего молодняка”, “многие наши комсомольские поэты, вышедшие из деревни, легко расстаются с ней”²⁶ и т. п.

Резюмируя приведённый выше материал, смеем утверждать, что оптимистические коннотации образа Комсомола в есенинских строках (весёлые, бодрые, здоровые) относятся не вообще к комсомолу, а именно к комсомольской поэзии, с её “весёлым чувством победителя, бодрой любовью к миру, как к своему достоянию” (П. Коган).

Комсомольский адресат угадывается и в есенинской теме “возвращения на родину” с её высоким трагизмом. Комсомольцы к 1924 году написали не одно собственное сочинение на тему “возвращения на родину” – в деревню, выполненное по прописям марксовых рекомендаций в отношении “идиотизма” крестьянской жизни.

Главным “деревенщиком” среди поэтов-комсомольцев считался Иван Доронин, написавший до появления есенинских “Возвращения на родину” и “Руси советской” десятки стихов на тему старого и нового быта русской деревни. Со старой деревней его лирический герой, эдакий бодрячок-комсомолец (“А я молод, как вешний день”), возвратившийся на родину после гражданской войны, в 1922-м особо не церемонился:

*Вот я и в деревне.
А ну-ка, дай рубану
Стальным топором языка
По этим гнилушкам;
Посмотрим, что будет.
Ты помрешь,
Ты помрешь,
Прежде чем прокричит
Трижды
Красный петух
Революции.
О, деревня,
Над трупом твоим
Не пролью я слёз,
И сердце моё
Не сожмётся от боли²⁷.*

Комсомольцы-поэты много поработали над радикальной сменой поэтического ландшафта русской лирики, претворяя в тексты главные идеи “нового быта”. Вместо старой пушкинско-толстовской Москвы и в пику есенинским “Москве кабацкой” и “Пушкину” они живописали в стихах “новую Москву”, идеологическим и эстетическим центром которой являются Коммунистический университет им. Свердлова, московские комитеты комсомола и рабфаки. В комсомольском поэтическом ареале клуб и Народный дом замещают храм. Строки из “Поэмы о клубе” А. Безыменского – “Сей храм да будет клубом” – предметно реалистичны (закрытие православных храмов, в некоторых из них тогда открывали клубы) и одновременно символичны. Поэтическая комсомолия принимала самое активное участие в массовой работе по безбожию: готовила рекомендации к проведению “комсомольских” – рождества и пасхи, свадьбы, крестин, коммунистических похорон; комсомольские стихи входили в издаваемую для массового читателя “Библиотечку безбожника” и т. п. Читальня и клуб описываются комсомольцами как средоточие немислимого света и радости. Эта производимая в комсомольской поэзии подмена подлинного света мнимым – в строках из стихотворения Н. Заболоцкого 1928 года: “Народный дом – курятник радости” (не случайно главные комсомололисты Безыменский и Голодный почти патологически не любили Есенина и Заболоцкого).

Поэты-комсомольцы занимались и соответствующим воспитанием собственной смены – пионеров, таких же бодрых, весёлых, ни в чём не сомневающих юных ницшеанцев:

*Выходи из рядов,
Кто слаб!
Выходи, кто устал
Шагать!*

.....
*Сердце бьётся одно
В груди.
По земле всей, пугая
Сонь,
Мы сегодня пройдем
Как один.*

.....
*Новый “зов” земли,
Комсомол²⁸.*

Поэты-комсомольцы писали пионерские песни (из всего написанного в те годы в массовый обиход вошло немного; самые знаменитые — это позже слегка отредактированные “Взвейтесь кострами, синие ночи...” и “Картошка” А. Жарова), стихи к ежегодным МЮДам (Дни международного юношеского движения), участвовали в кимовском движении (КИМ — Коммунистический интернационал молодёжи), в составлении “Библиотеки пионера”, авторами которой были главным образом писатели-комсомольцы, и т. д. и т. п.

Одним из лирических центров мира творчества поэтов-комсомольцев стала воспетая ими комсомолка-рабфаковка, являющая образ новой женщины, освободившейся от пут традиций русского быта и... русской поэзии. Это вам и не пушкинский “Татьяны милый идеал”, и не блоковская София-Незнакомка-Кармен, и не есенинские мать, сестры, возлюбленные. Это — женщина-товарищ по борьбе за “новый быт” и, конечно, за дело мировой революции.

Всё-таки главной любовью-страстью поэтов-комсомольцев оставалась мировая революция, то есть вечная гражданская война:

*Эй, живей, живей на фонарики буржуев вздёрнем!
Эй, живей, живей, хватило б только фонарей!*

(А. Жаров. “Наша карманьола”²⁹)

*Кровью пенит победный бокал,
Сгинь, сгори, мировой капитал!*

(А. Жаров. “На штыки”³⁰)

*Впереди тяжёлая дорога,
Позади — громады прошлых лет...
Эй!
Сильнее упирайте ноги
В царство наступающих побед!*

*Мы взялись, и мы его dokonчим
Это дело —
дело стариков!
Голоса!*

*Кричите, пойте громче
Над тяжёлой музыкой шагов.*

(М. Светлов. “Шестое сентября”³¹)

Примеры можно множить. Скажем лишь, что в воспевании мировой революции как вечной гражданской войны среди поэтов-комсомольцев не было равных Михаилу Голодному. Лирическое в его стихах тождественно “единственной” теме, без каких-либо этических и иных рефлексий и сомнений:

*И в час, когда последний гром
К победе призовет живых,*

*Паду я на земле бойцом
И рядом — мой последний стих*³².

А стихотворение “Призыв” — призыв-послание “к молодёжи” (одно из названий) с разными вариантами строк и под разными названиями Голодный печатал везде, где только мог, с 1925 года.

Куда бы далее могла развиваться комсомольская поэзия, можно только гадать. 1925 год приносит в эту среду первые потрясения. В декабре 1924 года покончил жизнь самоубийством поэт-комсомолец Николай Кузнецов. Его смерти ведущие поэты-комсомольцы посвятят свои первые не весёлые, а скорее мрачные стихи (“Не по плечам нам дали кладь...” М. Голодного, “Петля” С. Малахова, “Скоро и я пожалую...” М. Светлова и др.). Самоубийство поэта переживалось как трагическая случайность временного промежутка эпохи нэпа (А. Безыменский — “О знамени и поросёнке”). Общая идея исторического оптимизма оставалась той же — победа мировой революции. У Голодного эта тема звучала как заклинание и призыв:

*Нет, мы к пропащим не уйдём,
Нет, мы всегда ещё готовы
Услышать под седым Днепром
И повист пуль, и дальний гром,
И крик сердец, и запах крови.*

Курирующий поэтов-комсомольцев критик Г. Лелевич (ведущий критик журнала “На посту”) сразу по прочтении стихов, посвящённых смерти Кузнецова, напишет о первых болезненных явлениях в комсомольской поэзии: “самоубийство комсомольского поэта было событием большой общественной важности. Оно вскрыло опасную болезнь, распространённую в известной части пролетарского литературного молодняка”; “Стихи, связанные со смертью Кузнецова, вскрывают болезнь пишущего молодняка <...> и в настоящий момент предупреждают об опасности”³³.

Однако главную опасность для развития комсомольской поэзии критики-кураторы в 1925 году увидели в Есенине и почти массовом заражении поэтов-комсомольцев есенинской темой “возвращения на родину” и его лирическим эпистолярием. Газеты и журналы 1925 года наводнены комсомольскими вариациями на темы есенинских “Письма матери” и “Возвращения на родину”.

Критика тут же принялась растолковывать их по-своему: “Форма Есенина — Блок, положенный на гармошку”³⁴; “Подождем, что выйдет из его нового флирта с революцией”³⁵; “Индивидуалист-отщепенец Есенин одумался, покался, понял, что “пустыней и отколом” не проживёшь — его отянуло к обществу, к социальности, но остатки прежней непутёвой повадки, повадки “камаринского мужичка” ещё сказываются хотя бы в том, что примкнуть к передовому крестьянскому молодняку ему хочется не просто “по-людски”, а непременно “задрав штаны”; “Припадок личной обиды и досады”; “Этими словами (цитируется “Цветите, юные...”) писатель хочет сказать, что крестьянская молодёжь, так далеко шагнувшая вперёд, сумеет выдвинуть своих ново-крестьянских поэтов, которые гораздо ближе подойдут к новой, советской деревне, чем сделал он — “немолодой, нестарый” Есенин”³⁶. Ведущий критик ленинградской комсомолии В. Друзин посвятит влияниям Есенина на современную поэзию большую статью “Путь Есенина”³⁷. Начинается всё с признания: лирика Есенина, включая “Москву кабацкую”, оказала “громадное формальное влияние на многих пролетарских поэтов. Поэты московского “Перевала” сплошь под Есениным ходили. В Ленинграде Есенин воспринят был Ильей Садофьевым и Борисом Соловьевым”. Из параллели Блок — Есенин делается следующий вывод: “Деклассированный аристократ (это о Блоке. — Н. К.) мог только умереть. Деклассированному крестьянину-кулаку (это о Есенине. — Н. К.) — открывались, в условиях советской действительности, пути в будущее” — возвращение к жизни, к природе — в деревню. Далее критик пересказывает “Письмо матери”, “Возвращение на родину” и “Русь советскую”: на родине ждало Есенина разочарование, сам он утратил “свежесть глаз” и “поводье чувств”; деревенская молодёжь чужда ему (цитируются строки о читающей “Капитал” сестре); “деревенские комсомольцы наяривают частушки

Демьяна Бедного, Есенина грызёт ощущение ненужности своей. Он едет на Кавказ окончательно излечиваться от богемы. Круто берет курс на РКП, начинает изо всех сил советизироваться и приглашает своего героя “Давай, Сергей, за Маркса сядем...” Отход от “Москвы кабацкой” – разительный”, однако, резюмирует критик, “лирической влаги” новым стихам не хватает, и вообще у Есенина “нет культуры стиха”.

Погружение в есенинский текст в среде литературной комсомолки было разным. Оставались возглавляемые Безыменским верные “весёлому” и “бодрому” комсомолу. Назовём лишь одно забытое имя: Михаил Юрин, автор книги “Солнечная юность” (1925). Главной темой стихов Юрина оставалась яростная борьба с тёмными пережитками прошлого. Его лирический герой обличает “тёмную мать”, бросившую в печь безбожный стих сына-комсомольца. В своём диалоге с Пушкиным и Есениным (стихотворение “Пушкину”) полемично есенинскому “причастию” (“И я стою как пред причастием...”.) его лирический герой занимает позицию даже “левее” своих лефовских учителей, включая Маяковского:

*Мой век не тот, к чему таить?
Покрой есенинский мне узок.
Борьбою схваченная блуза —
Не поэтическая пруть.*

*И каждый крик — изгиб грозы.
Что фамильярный Маяковский,
Когда в лицо нам хлещет хлётско
Железный ленинский язык³⁸.*

Перефразируя строки Юрина, можно сказать, что “узким” многим комсомольцам казался (да и оказался) сам “покрой” есенинских “Возвращения на Родину” и “Письма матери”. По-другому для учившихся по “Азбуке коммунизма” и “Вопросам быта” и не могло быть. Исповедание “разрушительных задач коммунизма” (название одного из параграфов “Азбуки коммунизма”) предполагало абсолютное отречение от “отчего дома”. Читаем: “Родители навязывают своим детям собственное тупоумие, невежество, выдают за истинную собственную галиматью и страшно затрудняют работу единой трудовой школы. Освобождение детей от реакционных родителей составляет важную задачу пролетарского государства”³⁹ и т. п. “Азбука коммунизма” была не просто одной из книг, а популярным изложением принятой VIII съездом (1919) Программы партии, которую никто в годы нэпа не отменял. В 1923 году Троцкий (тоже не рядовой член партии) посвящает вопросам быта и семьи несколько разделов своей книги “Вопросы быта”, выдержавшей не одно издание. Главная идея выступления Троцкого: революция и гражданская война, оказав положительное – “глубоко разрушительное влияние” (!) – на традиционную семью, всё-таки не смогли до конца разрушить её бытовые традиции и основы, и “в сфере семейно-бытовых отношений мы проходим ещё, так сказать, через 20–21-й годы”⁴⁰. 1923–1925 годы действительно можно назвать эпохой “военного коммунизма” в области семейного быта и в целом традиционного уклада. Сформулированные Троцким задачи “эпохи культурничества”, призванные решать вопросы традиционной культуры под “знаком европейской и мировой революции”, естественно, не предполагали в этой области восстановительного послевоенного периода. И поэтому, строго следуя установкам партийных вождей, верные ученики-комсомольцы, используя внешнюю сюжетную схему есенинского “Возвращения...”, в массе своей писали не возвращение на Родину, а лишь её посещение, с сохранением всё той же горделивой учительской позиции:

*Облез спаситель древний
У папертных ворот.
Не та уже деревня,
И голос тот не тот.
Иных ты просишь песен,
Иных ты ждешь певцов,*

*И тесен тебе, тесен
Старинный кров отцов.
Горжусь я тем, что первый
Принёс тебе привет,
Как розовую вербу
Дню вешнему рассвет.
Горжусь я тем, что город
Мне тайну разгадал.
Я знаю, будет скоро
Другая сторона.
Другие будут люди,
И думы, и дела.
Не будешь ты, не будешь
Тащиться на волах.
Идёт дорогой новой
К тебе железный друг.
Тебе другое слово
Он скажет поутру.
Кто стар — тому могила,
Кто молод — цветёт тому.
Комсомолечьи силы
Жизнь за узду возьмут⁴¹.*

Есенинская полифония голосов “Возвращения на родину” и “Руси советской” рождается из глубинного, не тематического, христианского понимания самой идеи “возвращения” и держится идеей христианской любви (в том числе, и к “бодрым” комсомольцам), связует через неё настоящее и будущее с прошлым в лоне главной лирической идеи вечной “Руси”... Эта есенинская метафизика “возвращения” кому-то из комсомольцев была абсолютно враждебна. Для кого-то неактуальна. Как, к примеру, в поэме И. Молчанова “Ночные гости”, лирический герой которой — поэт пребывает в ночных беседах со “старыми” и новыми книгами:

*Потише, книги. Шум осенний,
Звон бубенцов и шарк ремней...
— А, даже вы, Сергей Есенин,
Притопали на стол ко мне.*

*Ну, что ж. Прошу, как говорится,
Певца приветствует поэт.
“Страна берёзового ситца”
Выглядывает из газет.*

*Ей место там. В тепле и лени
Застыл берёзовый разлив,
Берёзовое сочиненье
Я прочитал и сдал в архив⁴².*

Кто-то из комсомольцев пытался лирико-метафизическую тему решить чисто тематическими средствами... Были и те, кого написанное под влиянием Есенина “посещение” отчего дома вело к отказу от базовых идеологем комсомольского лирического текста. И таких в литературной комсомолки оказалось немало. Ключевское пророческое — “Грянет час, и к мужицкой лире припадут пролетарские дети” — оказалось верным не только в отношении поэтов-пролеткультовцев, но и второго отряда пролетарской поэзии — поэтов-комсомольцев. Мучительное “Матери” пишет в 1925-м молодой М. Исаковский. Покаянное “возвращение” в 1926-м напишет ведущий поэт-пролеткультовец Владимир Кириллов и один из юных комсомольцев, самый лиричный из них, белорус Георгий Хвастунов. Не обличением деревенской родины, а скорее тихими интонациями её одухотворения исполнены стихи входящего в литературу в 1926-м поэта-комсомольца Бориса Корнилова...

Особая тема – общение комсомольцев с есенинским “Письмом матери”. Вот где проявила свою власть “слабая сила” поэтического шедевра Есенина. Внешне незамысловатое “Ты жива ещё, моя старушка...” снесло голову самым убежденным комсомольцам-интернационалистам. О том, что идея материнства, кровного родства, и коммунизма по “Азбуке коммунизма” и “Вопросам быта” – понятия онтологически не совместные, передает сюжет убийства матери в стихотворении “Матери” М. Светлова. Правда, сам конфликт двух правд снят чисто тематическими средствами и представлен как болезненное видение... До есенинского “Письма матери” никто из комсомольцев такими видениями не страдал. Мать если и существовала в их стихах, то как убеждённая мать-пролетарка, другие её обличья не вызывали у них высоких лирических интонаций. “Ах, добрая мать... / Ах, бедная мать! / Кого нам любить? / Кого проклинать” – эти строки из “Песни о матери” (1925) И. Уткина зоркая пролетарская критика отнесёт к идеологическим просчетам поэта и влиянию богемы.

К концу 1925 года ведущий критик поэтической комсомолии, один из лучших её знатоков, М. Беккер проанализирует картину влияний Есенина на поэтов-комсомольцев. Очевидный итог 1925 года: “Есенин – это второй, пожалуй, после Маяковского магнит для наших поэтов. Но если влияние Маяковского, вообще, было положительным и плодотворным для прогрессивного развития нашей литературы, то влияние Есенина становится опасным и нежелательным”. Главная опасность – “опасность идеологического воздействия Есенина на нашу молодёжь”, особенно ту, что пришла из деревни в город, “но в психике которой ещё крепко сидят деревенские корни”⁴³. В самоидентификации поэта-комсомольца через возвращение к “корням” – деревенским и национальным – таилась опасность измены базовым идеям литературной комсомолии. Это становилось очевидным. Эту опасность критика увидела у таких крепких “комсомольцев”, как Светлов⁴⁴ и Доронин. Прочитав строки из стихотворения Доронина “В степи” – “Синь полей, приемлю вашу грусть. / Полевая мне близка печаль”, Беккер заключает длинный ряд “печальных” формальных влияний Есенина горьким выводом: “И даже в стихах Доронина недавно прозвучала есенинская нотка”⁴⁵.

Однако, несмотря на увещевания курирующей их критики, поэты-комсомольцы продолжали есенинские штудии и в 1926 году. На смерть Есенина они откликнутся лавиной стихов, но всё-таки главным для них оставалось чтение его лирики:

*И один без крова и привета,
Я иду к лучам своей заре
И к тебе, любимому поэту,
Я пришёл с тобой поговорить*⁴⁶.

1926 год принес свои почти онтологические потрясения для всего пролетарского литературного движения, в том числе и для комсомольской поэзии. XIV съезд партии (конец декабря 1926 г.) принимает программу построения социализма в одной стране. Скорая мировая революция (в зависимость от которой до того ставилось строительство социализма в СССР) откладывалась – “в связи со стабилизацией капитализма”. Это партийно-государственное решение, ставшее для многих последовательных интернационалистов переживаемой лично трагедией, определит главные политические события наступающего года. 1926 год будет проходить под знаком оформления возглавляемой членом Политбюро Л. Троцким “новой” оппозиции и внутривнутрипартийной борьбы, которая не обойдёт и есенинскую тему. Но в первых числах января 1926 года всё ещё казалось вполне мирным. 1 января центральные газеты печатают сообщения о прощании с Есениным, избрании Политбюро (Бухарин, Ворошилов, Зиновьев, Каменев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий). 2 января “Комсомольская газета” печатает статью “Сергей Есенин”, никак не выбивающуюся из общего стиля публикаций на тему смерти поэта: “С трагической смертью Есенина из русской литературы ушло огромное и своеобразное лирическое дарование”. Признаётся: “лучшей оценкой творчества погибшего поэта было то, что он, как никто, имел своего отзывчивого и благодарного читателя”; “Все равно, писал ли он весёлые или грустные стихи, читателю стихи эти приносили новую волну ощущений, по-новому выражен-

ную радость или боль. Не будет преувеличением то, что Есенина читала и читает вся Россия". И заключительное резюме, почти директива об "учёбе у Есенина": "И особенно его следует читать нашему молодняку, читать и учиться у этого большого мастера лирического стиха"⁴⁷. 3 января "Комсомольская газета" печатает доклад Бухарина на XIV съезде партии "О работе комсомола", в котором, наряду с победными реляциями об "авангарде" молодёжи, в отдельный раздел выделены "Болезни РЛКСМ". Здесь речь идёт о "струе упадочного характера, с упадочными тенденциями" среди молодёжи и в среде её авангарда — "опасностях перерождения" комсомольцев, о таких болезнях, как "рост хулиганства", асоциальность и мещанство. Все эти "явления распада"⁴⁸ объясняются национальным историческим прошлым... 17 января газета печатает речь Троцкого на всесоюзном совещании рабкоров "Рабочей газеты". Нарком отстаивает сформулированные им главные задачи эпохи "культурничества": культурный человек это тот, кто обладает научным знанием и умеет "этот мир переделать, переделать в интересах нового свободного человека..."⁴⁹. 18 января на траурном вечере памяти Есенина во Всероссийском союзе писателей зачитывается письмо Троцкого "Памяти Есенина". Даже точнее, если следовать хронике, вечер начинается с оглашения А. Воронским "письма тов. Троцкого".

Это нерядовое выступление (член Политбюро) многое на себе завяжет и в судьбе есенинского наследия. Сквозная идея выступления Троцкого, выраженная то сентиментально слащавым, то пафосным языком трибуна, сводится к нескольким тезисам: 1) Есенин великий национальный поэт, и его смерть вполне закономерна; 2) в крепких крестьянских корнях Есенина — главная причина его поражения как лирика; 3) революция, современность и поэзия, восходящая к национальной лирической традиции, — явления не совместимые.

Опуская пересказы стихотворений Есенина, приведём фрагменты речи Троцкого:

"Мы потеряли Есенина — такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушёл сам, кровью попросившись с необозначенным другом, — может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки. Он ушёл из жизни без крикливой обиды, без позы протеста, не хлопнув дверью, а тихо прикрыв её рукою, из которой сочилась кровь. В этом месте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом";

"Есенин слагал острые песни "хулигана" и придавал свою неповторимую, есенинскую напевность озорным звукам кабацкой Москвы. Он нередко кичился дерзким жестом, грубым словом. Но надо всем этим трепетала совсем особая нежность неограждённой, незащищённой души. Полунапускной грубостью Есенин прикрывался от сурового времени, в какое родился, — прикрывался, но не прикрылся. Больше не могу! — сказал 27 декабря побеждённый жизнью поэт, — сказал без вызова и упрёка... <...> Прикрываясь маской озорства — и придавая этой маске внутреннюю, значит, неслучайную дань, — Есенин всегда, видимо, чувствовал себя не от мира сего. Это не в похвалу, ибо по причине именно этой неотмирности мы лишились Есенина. Но и не в укор, — мыслимо ли бросать укор вдогонку лиричному поэту, которого мы не сумели сохранить для себя?

Наше время — суровое время, может быть, одно из суровейших в истории так называемого цивилизованного человечества. Революционер, рождённый для этих десятилетий, одержим неистовым патриотизмом своей эпохи, — своего отечества во времени. Есенин не был революционером. Автор "Пугачева" и "Баллады о двадцати шести" был интимнейшим лириком. Эпоха же наша — не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушёл от нас и от своей эпохи Сергей Есенин.

Корни у Есенина глубоко народные, и, как всё в нём, народность его неподдельная. Об этом бесспорнее всего свидетельствует не поэма о народном бунте, а опять-таки лирика его:

*Тихо в чаще можжевеля по обрыву
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.*

Этот образ осени и многие другие образы его поражали сперва, как немотивированная дерзость.

Но поэт заставил нас почувствовать крестьянские корни своего образа и глубоко принять его в себя. Фет так не сказал бы, а Тютчев — ещё менее. Крестьянская подоплёка — творческим даром преломленная и утончённая — у Есенина крепка. Но в этой крепости крестьянской подоплёки причина личной некрепости Есенина: из старого его вырвало с корнем, а в новом корень не приёлся. Город не укрепил, а расшатал и изранил его”;

“Есенин не враждебен революции и никак уж не чужд ей; наоборот, он поправлялся к ней всегда — на один лад в 1918 году:

*Мать моя — родина,
Я — большевик,*

На другой в последние годы:

*Теперь в советской стороне
Я самый яростный попутчик.*

<...> поэт не был чужд революции, — он был несроден ей. Есенин интимен, нежен, лиричен; революция — публична, эпична, катастрофична. Оттого короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой. <...>

Его лирическая пружина могла бы развернуться до конца только в условиях гармоничного, счастливого, с песней живущего общества, где не борьба царит, а дружба, любовь, нежное участие.

Такое время придёт. За нынешней эпохой, в утробе которой скрывается ещё много беспощадных и спасительных боёв человека с человеком, придут иные времена, — те самые, которые нынешней борьбой подготавливаются. Личность человеческая расцветёт тогда настоящим цветом. А вместе с ней и лирика.

Революция впервые отвоюет для каждого человека право не только на хлеб, но и на лирику. <...> Поэт погиб потому, что был несроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его”;

“Пусть же в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего. Пружина, заложенная в нашу эпоху, неизмеримо могущественнее личной пружины, заложенной в каждом из нас. Спираль истории развернётся до конца. Не противиться ей должно, а помогать сознательными усилиями мысли и воли. Будем готовить будущее”;

“Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя, — да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин!”⁵⁰.

Сдержанно-ироническим было отношение русской эмиграции к лирико-патетическому выступлению Троцкого. Там неплохо помнили, что это речь главного идеолога и вождя революции и гражданской войны: “Идеологизировать дар, жизнь и срыв Есенина несвоевременно, а потому идеологизацию решается сделать только один — Л. Троцкий. <...> автор предисловия к “стихам” Безыменского, оказывается, ещё (а может быть, уже?) различает расчёт от поклонения дару. Поскольку доступна коммунистическому вождю искренность (ГПУ!), постольку она запечатлена в письме”⁵¹.

На родине всё было значительно сложнее и драматичнее. Первые статьи о Есенине 1926 года пишутся в строгом следовании пафосу выступления Троцкого. Повсеместное восхищение поэтическим даром сопровождается главными оговорками на тему исторической тупиковости пути Есенина. Так получается у лидера попутчиков В. Полонского. Зачин: “Из современной нашей литературы выпал самоцвет, едва ли не самый яркий”⁵². А далее следует о корнях трагедии: “столкновение двух культур” — города и деревни; “обреченная <!> связанность с “отчим домом” (!) и социологический вывод: “его устами свои последние и самые яркие песни пропела “Русь уходящая”, точнее — верхний её социальный слой, который один только и мог выдвинуть своего романтика”⁵³.

Нет разногласий с Полонским у одного из последовательных “напостовцев” В. Киршона, чья статья “Сергей Есенин” печаталась в “Молодой гвар-

дии". Написанная в январе статья лишена агрессивных интонаций и даже патетична в главной идее защиты Есенина от "есенинствующих": "Нельзя позволить пятнать память Есенина..."; "нельзя позволить смрадным и гниющим обломкам старого мира прикасаться к имени поэта "Руси Советской"; "Ты будешь жить, Сергей Есенин. В любимой тобой новой Советской Руси не замолкнут твои нежные и звонкие песни"⁵⁴. Ну а дальше и в целом, как у Полонского, Воронского... У великого лирика почти всё оказалось идеологически неправильным, начиная с рождения в религиозной семье и встречи с Блоком: "Получив воспитание в религиозной зажиточной семье, где древние устои были закреплены крепко, как дубовый сруб избы, закончив его в закрытой церковной школе, Есенин, приехав в город, попадает в среду мистиков, религиозно-фанатичных монархистов, в угарную полосу, когда русская "общественность" служила "верой и правдой" "царю и отечеству", пела патриотические песни..."; "здесь Есенин "приобщился мистическим тайн"; "Фальшиво, на церковный лад, звучала песня Есенина. Нет, не был он в тот период певцом деревни"; "И природа в период этого творчества полна божественности. Всё насыщено "благодатью"; "Захожему богомольцу, Есенину, Русь кажется раем. Неправда, раем она не была. Неправда, не было всегда весёлого пляса..."; "картина в целом неверна, фальшива и вредна"; "Есенин, конечно, национальный тип"; "анархический вопль деклассированного крестьянина"; "Богема восала Есенина, оторвавшегося от деревни, не приставшего к городу, не понявшего пролетарского города". В осмыслении "Возвращения на Родину" и "Руси советской" у Киршона идёт тот же, что у всей критики, пересказ непересказываемого лирического содержания: "На каждом шагу встречая новое, он увидел страну Советскую желанной крестьянству, тому бедняцкому и середняцкому крестьянству, дети которого сидят над "пузатым Капиталом" и поют "агитки Бедного Демьяна"; Есенину хочется "задрать штаны, бежать за комсомолом" — уже не о свободной лире мечтает поэт..."; "Есенин подошел к новой деревне, показал путь растущим тысячам крестьянских писателей — *шагайте с пролетариями города. Крестьянские писатели, шагайте рука об руку с писателями пролетарскими*, — скажем мы, — вот истинный путь, по которому должно пойти крестьянское творчество. <...> А то, что тысячи крестьянских писателей придут и пойдут в одних рядах с пролетарской литературой, не показывают ли сестрёнки Есенина, сидящие над "Капиталом"; "Проклятое наследие богемы <...> не погубив Есенина — *творческую личность*, оказалось сильнее Есенина — *человека*"; "Стихи его, посвящённые советской Руси, слабее, чем его прошлое творчество. Тяжёлые гири — вериги, прикованные жизнью Есенина, висели на его ногах (курсивом обозначен текст, выделенный в статье разрядкой. — Н. К.)"⁵⁵. В послесловии Киршон полемизирует с Троцким по вопросу о лирике и революции, возвращая тому в качестве аргумента главные идеи его статьи о Безыменском: "Только в будущем, говорит тов. Троцкий, — можно будет завоевать право на лирику, а в наше время для лирики места нет. Это, конечно, неверно. Правда, что лирика Есенина, которая была выражением настроений и переживаний деклассированного одиночки, не была созвучна нашей эпохе, поэтому творчество Есенина стало в противоречие с эпохой, и сам Есенин первый это понял и почувствовал. Но это вовсе не значит, что у нас, в нашу эпоху борьбы и строительства, нет места для лирики. Место для лирики есть, но не сломается о "границы эпохи" творчество тех поэтов, личные переживания которых целиком спаяны с жизнью, с идеями и чаяниями класса, строящего новую жизнь. Наша эпоха дала целый ряд молодых поэтов, лирика которых является одновременно песнями борцов и строителей, которая, несмотря на то, что глубоко индивидуальна, вместе с тем отражает волю и стремления миллионов. Органическая спаянность с революционным классом порождает созвучную нашей эпохе революционную бодрую лирику. По причинам, которые мы излагали в статье, лирика Есенина такую лирикой не была, но это беда Есенина, а не вина эпохи"⁵⁶.

Наиболее последовательными защитниками современной "эпохи" от Есенина в 1926 году оказались лефовцы и представители левого крыла пролетарского движения, которое с конца 1925 года переживает организационно-идеологические потрясения (политический контекст наложился на неприятие лефовцами и "напостовцами" либеральных положений о попутчиках в постановлении "О политике партии в области художественной литературы"). Эту позицию радикальных левых изложит ведущий критик ленинградской

комсомолии В. Друзин: “Смерть Есенина так же закономерна, как смерть Блока. <...> Есенин, этот последний символист, выразил собой далеко не прогрессивные тенденции русской послереволюционной поэзии. Будущим читательским поколениям, несомненно, покажется странным, что Есенин, с одной стороны, – и Маяковский, Тихонов, Асеев с другой – были ровесниками. После смерти Блока – год, два производился большой шум вокруг его имени. Происходила “канонизация” Блока, введение его в сонм русских классиков. Но уже теперь, через 5 лет, поэзия Блока молодым читателям не нужна. Вероятно, та же судьба ожидает и поэзию Есенина. Хотя крестьянские корни его творчества затрудняют это отмирание”. А вот и главное возражение против “учебы у Есенина”: “Его символ: “отчий дом”, его символическое проникновение в жизнь природы, его настроения печали, грусти, отчаяния – всё это даёт возможность причислить Есенина к людям уходящей культуры <...> Вот объяснение необычайной популярности Есенина последнего периода: все те, у кого психический склад был сформирован старой культурой, в Есенине находили выражение своего мироощущения. Но с каждым годом всё больше и больше вырисовывается лицо культуры Советской России – пролетарской России. И последний символист, Есенин, довольно скоро утратит свою популярность, хотя творчество его останется навсегда свидетельством о психическом складе людей отмершей культуры”⁵⁷.

Где-то уже с середины 1926 года никто из критиков об учёбе у Есенина уже не говорит. Нарастающий кризис в пролетарском литературном движении всё более начинает рифмоваться, с одной стороны, с партийным кризисом (новыми выступлениями оппозиции), с другой, с “болезнями” страны-“подростка”, в частности, с “болезненными” явлениями РКСМ, о которых говорил Бухарин на XIV съезде партии. В мартовском номере “Смены” печатается статья профессора Свердловского коммунистического университета А. Залкинда “О быте”. Один из ведущих разработчиков концепции нового быта заговорил о росте “мещанского уклона” у молодёжи. Совсем не оптимистически звучал и его вывод: “Часть молодёжи устала, истрепалась”⁵⁸. В марте же в “Комсомольской газете” начинают публиковаться статьи ведущего комсомольского критика М. Беккера “Из цикла “Больные места комсомольской литературы”. Создатель почти эпических литературных портретов поэтов-комсомольцев пишет нечто прямо противоположное тому, что он утверждал ещё год-два назад: “Наше время ещё не породило молодого дарования, способного на богатые художественные синтезы”; “Комсомольские писатели проходят лишь через подготовительный класс своего развития”; “Комсомольскому писателю ни на минуту нельзя забывать про “грешную плоть” своих героев. Тогда они выйдут полнокровными и живыми созданиями, а не бледными и бестелесными призраками”⁵⁹. К лету ответственный редактор молодежного журнала “Смена” соединит происходящее в молодёжной литературной и нелитературной среде с именем Есенина: “Поэзия Есенина, не теряя подчас жуткой выразительности, приобрела зловещую окраску хулиганства, скандала”⁶⁰. Материал для подобного вывода у редактора был не малый. В феврале 1926 года покончит самоубийством поэт-комсомолец Г. Хвастунов, чью смерть пролетарская критика напрямую увяжет с влиянием Есенина, напомнив, что в “Новом мире” стихи поэта-комсомольца печатались рядом со стихами Есенина... Вслед за “Возвращением на Родину” поэты-комсомольцы начинают осваивать “Анну Снегину”, “Чёрного человека”, некоторые из идеологически неустойчивых терпят юную весёлость, зачастую впадая в состояние космического пессимизма:

*Всё та же глушь,
Всё тот же страх
Сквозит в просторах чернозёма,
Напрасно я в своих стихах
Грущу по зарослям знакомым.*

*Нам не съютить своих дорог...
И в долгий вой голодной вьюги —
Я не шагну через порог
Родной покинутой лачуги.*

*Не зазовёт
Старушка-мать
Под кровлю родины убогой, —
Останусь я и умирать,
Как незнакомец, на дороге⁶¹.*

Пролетарская критика констатирует распространение богемных настроений в среде комсомольских поэтов. В причины сложившейся ситуации особенно не погружались, сводя происходящее то к “чуждым” влияниям (естественно, называется Есенин), то к отрыву от завода и комсомола. Пожалуй, лишь В. Полонский в 1926 году приблизится к ответу: “У Клюева — почва, родной дом, пусть плохой и темный <...>, но в этот дом он придёт в трудную минуту. А где такой дом у наших деклассированных, порвавших связи с “отчим домом” — в буквальном смысле — поэтов? В космосе? Но там дует холодный ветер бесконечности. В человечестве вообще? Но ведь это абстракция”⁶². Но это крамольное примечание-вопросание к теме литературного молодняка снято тут же у Полонского общим рецептом: не отрываться от завода и не торопиться стать писателем...

О завершении романтического периода в бытовании комсомольской поэзии свидетельствует и нарастание критики их поэтической продукции. Самые уничижительные оценки прозвучат от М. Зенкевича в адрес поэмы И. Дорогина “Тракторный пахарь”, вышедшей в 1926 году с предисловием А. Луначарского (эта поэма была решением ВАПП внесена в список достижений пролетарской литературы). Плох этот “лубок”, по Зенкевичу, как с точки зрения содержания: “лубочно звучат “ахи и охи” крестьян по поводу трактора, — деревня не так уж наивна и придурковата...”; так и формы, с обычным для комсомольских поэтов недостатком — растянутостью, которую не спасает внешняя работа с частушечными ритмами, ибо комсомольские стихи не обладают “главным достоинством частушки — краткостью...”⁶³. Рецензия М. Зенкевича на книгу избранных стихотворений И. Молчанова и М. Юрина “Жизнь улыбается” (Тифлис: изд-во “Красные всходы”, 1926) и вовсе была выполнена в фельетонной стилистике: “На обложке улыбающаяся на фоне площади комсомолка, потом прильнувшие друг к другу поэты, восторженно-наивное, написанное языком институтских героев Чарской и Вербицкой, предисловие — “Жизнь улыбается”, и эпиграфом ко всей книге стишки, точно взятые из альбомов уездных барышень былых времён. И у Молчанова, и у Юрина вышло по несколько сборничков стихов, и в книжечке “Жизнь улыбается” собраны их “избранные” стихи. Однако даже и по этим “избранным стихам” трудно ещё составить мнение об обоих юных авторах, как о поэтах. И Молчанов и Юрин пишут стихи на обычные комсомольские темы с обычными, ставшими уже трафаретными в комсомольской поэзии, приёмами. Тут и “солнце пионером весне салютует из туч”, и “на груди твоей горит такой знакомый пламень КИМа” и (что весьма похвально) “сегодня на ячейке я в восемь делаю доклад”, и (что, увы, менее похвально) “я любимую у клуба будто и не целовал”, ибо “любовь комсомолки дороже, милей красоты расписной” (Ив. Молчанов), и дружеская переписка стихотворными печатными открытками (“Письмо” Юрина). Пишут оба автора бойким и звонким стихом; у них есть задор молодости, и стиля ни у того, ни у другого пока ещё нет. Все, что они говорят, сказали уже и раньше и лучше другие поэты (Есенин и Казин, Безыменский и Жаров). Впрочем, это, может быть, объясняется молодостью обоих авторов, и придёт к ним в своё время, если только они будут посерьёзней относиться к поэзии, а не так фамильярно, запанибрата, как это почему-то считается общепринятым среди нашей молодёжи”⁶⁴.

В июне 1926 года на страницах “Молодой гвардии” открывается трибуна для дискуссии вокруг самого ставшего отчего-то “смутным” термина “комсомольская литература”. Правда, никакой дискуссии не было. При всех нюансах пущенных в друг друга полемических стрел её участники сошлись в главном: литература коммунистически настроенного молодняка уже переросла комсомольский возраст, должна быть интегрирована в общее русло пролетарской литературы, а литературный молодняк — преодолевать штампы (!) комсомольской литературы и т. п. За разговорами о штампах в создании образа девушки-комсомолки прозвучало, что плохо с новой семьёй, возрождается старая психология. Информация на последнюю тему начинает заполнять и

комсомольскую периодику. “Деревенская девушка всё ещё находится под сильным воздействием своих родителей (особенно матерей), которые стараются отвлечь свою дочь от общественной работы. Среди девушек сейчас много религиозных. Девушка боится выйти замуж без церкви и родительского благословения, и во многих районах... не было ни одного гражданского брака”⁶⁵, — сообщает корреспондент “Комсомольской газеты” из Костромской губернии. О причинах массового неблагополучия в среде молодёжи долго не рефлектировали, существовало (и существует, к сожалению) утверждённое вождями мировой революции универсальное объяснение — дикое и варварское историческое прошлое, русская деревня: “Озорство, хулиганство молодёжи кажется на первый взгляд лежащим далеко от этих вековых привычек, этой варварской культуры деревни. А между тем факты юного морального одичания являются прямою производною величиной от исторического одичания всего крестьянства, как средневекового, крепостного по корню класса. Там и тут — одна и та же по существу обломовщина...”⁶⁶. Пленум московского комитета ВЛКСМ (11 сентября) среди недостатков в работе комсомола назвал “притупление остроты политической активности” молодёжи, казенщину, рост хулиганства и призвал к “походу против хулиганства”. Материалы пленума “Комсомольская правда” печатает 18 сентября, а 19 сентября газета посвящает вопросу хулиганства две статьи — члена ЦК комсомола, главного редактора газеты Т. Кострова (с. 2) “Новый фронт (О хулиганах и хулиганстве)” и партийного журналиста Л. Сосновского “Развенчайте хулиганство” (с. 2). В выступлении Кострова Есенин упоминается как явление типологически родственное хулиганству и упадочничеству, не более того: “Упадочные настроения и хулиганство рождаются тем, что в основе их лежит ослабление связи с коллективом, с обществом, неверие или недоверие к обществу, непризнание его, неумение удовлетворять свои интересы общественным путём. И там и здесь разрывается пуповина, связывающая человека с обществом. Недаром Есенин (вокруг имени которого частично кристаллизуются упадочные настроения) писал: “Если б не был я поэтом, то был бы разбойник и вор”. Недаром кабацко-хулиганские мотивы нашли такое богатое отражение в его поэзии. Комсомол начал борьбу с упадочными настроениями, просочившимися в отдельные прослойки молодёжи <...> Комсомол должен развернуть энергичную, широкую борьбу с хулиганством”.

Редактор, опубликовавший на страницах редактируемой им газеты самые большие подборки “есенинских” студий поэтов-комсомольцев, или должен был отречься от всего им сделанного, или сказать то, что он сказал. Иным был пафос выступления Сосновского. Прокатившимся по стране волнам хулиганства и насилия среди молодёжи найдено объяснение в любовной лирике Есенина. Между Есениным и “есенинщиной” поставлен знак равенства. Никакой “чистой поэзии” — сплошную “муть” вычитывает партийный критик из любовной лирики Есенина, делая из пересказа лирического текста однозначные даже не социологические, а политические выводы: “...с есенинщиной надо бороться. Уже прошёл первый угар, вознесший этого свихнувшегося талантливого неудачника чуть ли не в великие национальные поэты”. Программа открытого “фронта борьбы с хулиганством” (она была разработана специальной комиссией, созданной Совнаркомом в конце сентября 1926 года) предусматривала участие писателей в этой всесоюзной кампании. Заданные парадигмы развернувшейся всесоюзной кампании, включив в неё как едва ли не главный есенинский компонент, крайне обострили отношения в литературной комсомолии. Об этом свидетельствует “половая дискуссия”. Так тогда называлось ширококомасштабное обсуждение опубликованных на страницах “Молодой гвардии” произведений прозаиков разных генераций, но посвященных одной теме — любви комсомольцев. Это рассказ попутчика П. Романова (“Без черемухи” — № 6); повесть уже, можно сказать, старопролетарского прозаика и поэта и одновременно отступника (перешёл в “Перевал” С. Малашкина (“Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь” — № 9). Главные события в повести разворачиваются в кузнице комсомольской интеллигенции — Свердловском университете, студенты которого первыми попытались жить по законам новой морали и товарищеской, свободной любви. Завершает этот ряд пьеса В. Киршона “Кореньковщина” (№ 10). К этому времени Киршон, один из самых последовательных “авербаховцев”, уже отметился на фронте борьбы с “булгаковщиной”. У Киршона развратные комсомольцы только и делают, что неустанно ссылаются на стихи и фигуру Есенина, оправдывая половой

разврат и пьянство. Литературной дискуссии, по существу, и здесь не было. Киршон требовал, чтобы “тов. Малашкин” открыто сказал, что “он не имел в виду Свердловский университет. Это клевета”⁶⁷. Комсомольская критикесса Е. Трощенко называет “Луну” и “Без черёмухи” “паразитами на теле молодежи”, а младонапостовец Г. Корабельников возводит “Луну” к традициям литературных пасквилей на социал-демократию (называется роман “Навыи чары” Сологуба) и впрямую связывает малашкинских героев с “хулиганским крылом есенинской поэзии”⁶⁸ и т. п.

На осень-зиму приходится ещё одна дискуссия, теперь уже о комсомольской поэзии, она развернется в среде пролетарского литературного лагеря на страницах ленинградских газет и так же, как первые две, будет далека от литературных вопросов. В развернувшейся критике жизнерадостной “жаровщины”, культивируемых в комсомольской поэзии “сезонных” (к праздникам) стихов красной нитью проходит тема родственности “жаровщины” и “есенинщины”. “Есенинщина” (любовь комсомольцев к Есенину) толкуется как следствие доминирования в комсомольской поэзии (т. е. поэзии для комсомольцев) безыменско-жаровского трафарета⁶⁹. У подключившегося к дискуссии в “Смене” левовца Асеева и вовсе оказалось, что “формальное небрежничание” Жарова и Уткина идёт от общего понижения поэтической культуры, в котором повинен Есенин, у которого не наберется и 10 хороших стихотворений. В качестве “больших величин” комсомольской поэзии Асеев называет Светлова и Голодного⁷⁰. О последних критики “жаровщины” теперь говорят только в возвышенном стиле, возводя их творчество к традициям мировой (Светлова – к Гейне и Беранже) и русской поэзии (Голодного – к Лермонтову)⁷¹ и т. п. Кстати, на страницах комсомольских газет в огромном количестве печатаются “сезонные” стихотворения М. Голодного и М. Светлова, да и самого Асеева, всюду баловавшегося “сезонной” продукцией.

На самом деле весь сыр-бор разгорелся отнюдь не вокруг эстетических и стиливых вопросов, а остро идеологических и политических для 1926 года. Одни комсомольцы мучительно и тяжело расставались с теперь осуждаемой партией со всех трибун троцкистской идеей “перманентной” (мировой) революции (классическая “Гренада” М. Светлова, 1926), продолжали призывать к новой гражданской войне. Так, в ходе дискуссии на страницах “Смены” печатается уже опубликованное в № 1 “Молодой гвардии” стихотворение М. Голодного “Призыв” – своеобразная стихотворная клятва в верности принципам выработанной в комсомолии “новой морали”. Стихотворение “лермонтовской силы”⁷², как утверждали оппоненты Жарова, венчали кровожадные строки о верности “детей” лозунгам отцов, участников штурма Перекопа: “Наш век им приготовил плаху, / Мы подадим ему топор”⁷³. Другие комсомольцы (критикуемый Жаров, примкнувший к нему И. Уткин и другие), кажется, легче переживали расставание с базовыми в поэтике комсомольской литературы идеями мировой революции и романтики гражданской войны и осенью-зимой 1926 года приняли самое активное участие в государственной кампании реабилитации гармошки, придания “красного облика” “мещанской” есенинской тальянке и гитаре и кампании создания новых песен. Идеологический раскол в поэтической “комсомолии”, представители которой обменялись в ходе “зубодробительного” спора поэтическими посланиями, далёкими от положенных в “стране комсомолии” дружеско-товарищеских чувств, в декабре был осужден ЦК комсомола. В опубликованной 24 декабря статье главного редактора “Комсомольской правды” прямо говорилось о далеком не литературном характере развернувшейся в Ленинграде “истерической” дискуссии, имеющей “вполне определённую установку”⁷⁵. Антижаровская кампания с открытым обвинением поэта в антисемитизме готовила ему место на страницах “Злых заметок” Бухарина, опубликованных 12 января 1927 года в главной партийной и комсомольской газете. Этого не произошло, думается, по ряду причин, прежде всего политических, связанных с оформлением платформы троцкистской оппозиции и лагеря её поддержки, включая известных писателей и критиков. В октябре 1926 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкий был освобождён от обязанностей члена Политбюро – “за фракционную деятельность”, он теряет свои руководящие позиции и в области литературной политики. На этом посту его заместил член Политбюро Н. Бухарин, чьи выступления 1925-го и 1926 года свидетельствуют, что радикальных измене-

ний в культурной политике не будет, а сам Бухарин последовательно защищает “мировую” революцию от “перманентной” революции Троцкого. В этом смысле печально знаменитые “Злые заметки” (январь 1927 года), подготовленные дискуссиями 1925–1926 годов о комсомольской литературе и молодежи, вполне вписывались в стратегию и тактику партийной борьбы 1927 года. Не случайно Бухарин обрушится на стихотворение “Российское” П. Дружинина, процитировав в статье его большой фрагмент и выделив полужирно строки: “На кой же чёрт иные страны, / Кроме советской стороны”. Это, по Бухарину, вопиющий пример “есенинщины” с её “национальной ограниченностью”. На самом деле, если перевести содержание строк в социологический план, то получается незамысловатое стихотворное переложение главной идеи партии о построении социализма в одной стране. Таких признаний в 1926-м будет немало не только у перевальцев, но и поэтов-комсомольцев, скажем, у слегка подобрешего И. Доронина:

*Эх ты, родина моя Советов,
Мать моя, родимая страна.
Хорошо на свете быть поэтом
Напиваться жизнью допьяна*⁷⁶.

Статья Н. Бухарина вывела тему Есенина-“есенинщины” на высокий государственный уровень: “Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни”. В вину Есенину Бухариным ставилось его влияние на передовой отряд молодёжи. У комсомольцев, оговаривался Бухарин, “часто под “Спутником Коммуниста” лежит книжечка стихов Есенина”⁷⁷. Здесь в точности формулировки Бухарину не откажешь. Есенинская лирика, можно сказать, обрушила государственный культурно-литературный проект. Правда, почему в выборе читателя-комсомольца вина возлагалась не на “Спутник коммуниста”, а на стихи Есенина, Бухарин не объяснял. Но нелепой эту ситуацию трудно назвать. По сути дела, к началу 1927 года действительно необходимо было ответить на более существенные вопросы, в частности, на вопрос, кто является главным виновником краха государственной кампании борьбы за новый быт. Этот крах стал очевиден именно в 1926 году. Государственная кампания пропаганды “свободной любви” и “товарищества”⁷⁸ обернулась крайним неблагополучием целых губерний — “в смысле широкого распространения сифилиса”⁷⁹; города и деревни советской России захватили невиданные волны хулиганства и преступности. За хулиганство, явившееся следствием войн, а также тотального государственного разрушения всех устоев национального быта, ответственными были назначены Есенин и русская литература.

Но даже после выступления Бухарина есенинский вопрос ещё долго оставался нерешённым в пролетарской литературе, о чём свидетельствуют стенограммы пленумов ВАПП 1926-го и 1927 годов. Весьма характерный диалог между поэтом-комсомольцем Юриным и генеральным секретарём ВАПП Авербахом состоялся на майском заседании. Юрин жаловался, что, сколько бы лекций о Есенине они ни читали, выделяя положительное и отрицательное в его творчестве, массовый рабочий читатель любит “больные” места у Есенина. Далее цитируем по стенограмме. **Юрин:** “После этого я всегда делал так: к чёртовой матери эти хорошие места, не цитирую, а говорю, что Есенина нужно положить пока что на 12-ю полку, а потом в процессе нашего культурного роста его оттуда снимать постепенно на 11-ю, на 10-ю и т. д. . . (**Авербах:** Это правильно), а может быть, и совсем оставить на полке (**Авербах:** Если тебе удастся убрать, пусть лежит)”⁸⁰.

Однако убрать Есенина с книжной полки не удалось ни в 1927-м, ни в последующие годы. Борьба с влиянием Есенина на комсомольских поэтов и молодёжь будет продолжаться весь 1927-й и 1928 годы. Началась подготовка ко второй “большевистской” революции — году “великого перелома”, и партии нужен был отряд “бодрых” и “весёлых” комсомольцев. Но это уже другая и отдельная тема.

Примечания

- 1 Комсомольская правда. 1925, 25 дек., с. 1.
- 2 Современное есениноведение. 2008 // № 8, с. 192.
- 3 Там же, с. 200.
- 4 Лежнев А. Литература и революция (О книге тов. Троцкого) // Прожектор. 1924. № 9, с. 26.
- 5 Там же.
- 6 Печать и революция. 1923. № 7, с. 16.
- 7 Эйхенбаум Б. В ожидании литературы // Русский современник. 1924. № 1, с. 285–287.
- 8 Троцкий Л. «Как пахнет жизнь» // Правда. 1923. 17 нояб., с. 5; Предисловие // Безыменский А. Как пахнет жизнь. М., 1927, с. 3–4.
- 9 Цит. по: Безыменский А. Комсомолия. М., 1924, с. 11, 40.
- 10 Жаров А. 16 октября (1922) // Жаров А. Ледоход. М.-Л., 1925, с. 45–46. *С посвящением: Л. Д. Троцкому.*
- 11 Цит. по: Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991, с. 136.
- 12 Рабочий журнал. 1924. № 1, с. 122. Подпись: *Поэт-Ортодокс.*
- 13 Смена. 1925. № 8.оборот обложки, раздел: Почта «Смены».
- 14 По названию статьи Г. Фальтенберга и В. Ермилова «О комсомольской интеллигенции» (Молодая гвардия. 1924. № 1).
- 15 Лепешинский П. В вольно-дискуссионном клубе // Молодая гвардия. 1925. № 1, с. 145–159.
- 16 Степанов И. О загробной жизни, о боге и о бессмертии // Там же. 1922. № 4–5, с. 117.
- 17 Коллонтай А. Письма к трудящейся молодежи. Письмо первое // Там же. № 1, с. 141.
- 18 Там же, 142.
- 19 *Она же.* Письма к трудящейся молодежи. Мораль, как орудие классового господства и классовой борьбы. Письмо второе // Там же. 1922. № 6–7, 129–130.
- 20 Там же. 1923. № 3.
- 21 Светлов М. В читальне // Прожектор. 1926. № 19, с. 28.
- 22 Жаров А. Комсомолия (1923) // Жаров А. Комсомолия. М.-Л., 1925, с. 24.
- 23 Коган П. С. Безыменский // Октябрь. 1925. № 8, с. 120.
- 24 Луначарский А. <Предисловие> // Жаров А. Ледоход. М.-Л., 1925, с. 7, 9.
- 25 Беккер М. О «Молодой гвардии» // Комсомольская правда. 1925. 6 дек., с. 3.
- 26 *Он же.* Комсомольская литература. Иван Доронин // Там же. 1925. 8 авг., с. 3.
- 27 Доронин И. В деревне // Молодая гвардия. 1922. № 4–5, с. 59–62.
- 28 Корольков Е. МЮД // Комсомольская правда. 1925. 5 сент., с. 1.
- 29 Цит. по: Песни юных пионеров. М.: Молодая гвардия, 1924, с. 44–48 (припев песни).
- 30 Там же, с. 55.
- 31 Смена. 1925. № 17 (1 сент.), с. 1. Посвящено дню МЮД.
- 32 Голодный М. Мой стих // Комсомольская правда. 1925. 11 окт., с. 3.
- 33 Лелевич Г. О болезнях и опасностях // Комсомолия, 1925, № 2 (февр.), с. 56–57.
- 34 Горбачев Г. Литературное безвременье // Красная газета. Веч. выпуск. Л., 1925, 19 мая, с. 5. Подпись: *Егор Досекин.*
- 35 Горбачев Г. Литературное безвременье <Продолжение> // Там же. 22 мая, с. 5.
- 36 Цинговатов А. Есенин на переломе // Комсомолия. 1925. № 7 (июль), с. 61–64.
- 37 Красная газета. Веч. выпуск. Л., 1925. 15 мая, с. 5.
- 38 Юрин М. Солнечная юность. М.: Молодая гвардия, 1925.
- 39 Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. М., 1920, с. 198.
- 40 Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923, с. 50.
- 41 Доронин И. Деревне (Посвящение к поэме «Тракторный пахарь») // Комсомольская правда. 1925. 25 окт., с. 3.
- 42 Там же. 1925. 29 нояб., с. 3.
- 43 Беккер М. Формальные влияния в комсомольской поэзии // Комсомолия. 1926. № 1, с. 47.
- 44 См.: Машбиц-Веров И. «Корни и «корни». О поэзии Михаила Светлова // Там же. 1925, № 8, с. 60–63. Статья посвящена анализу книги Светлова «Корни» (1925); рецен-

- зент останавливается на проблеме «национально-еврейских корней» его лирики, выявляет «опасные корни» богемных настроений и есенинских влияний («отдельные мотивы») и т.п.: «Есть колебания, сомнение, неуверенность в самом смысле революционной борьбы, в грядущей неминуемой победе. Есть, наконец, – усталость, тоска, бездорожье, смерть...»
- 45 Беккер М. Формальные влияния... с. 48.
- 46 Равич Л. У могилы Есенина // Смена. 1926. № 23 (дек.), с. 5.
- 47 Комсомольская правда. 1926. 2 янв., с. 2. Подпись: М. Р. (Мих. Рудерман – ?).
- 48 Там же. 3 янв., с. 2–3.
- 49 Там же. 17 янв., с. 2.
- 50 Вечер памяти Сергея Есенина // Правда. 1926. 20 янв., с. 3.
- 51 Недзельский Е. <Рецензия на книгу «Памяти Есенина. Всероссийский Союз поэтов памяти Есенина» (М., 1926), которая открывалась «письмом» Троцкого> // Воля России. 1926. № XI, с. 175.
- 52 Полонский В. Памяти Есенина // Новый мир. 1926. № 1, с. 154.
- 53 Там же, с. 157–158.
- 54 Киршон В. Сергей Есенин // Молодая гвардия. 1926. № 2, с. 216, 230.
- 55 Там же, с. 216–230.
- 56 Там же, с. 231.
- 57 Друзин В. Сергей Есенин // Звезда. 1926. № 2, с. 227–228.
- 58 Смена. 1926. № 5 (март), с. 17.
- 59 Беккер М. Проблема типа // Комсомольская правда. 1926. 11 марта, с. 3.
- 60 Колесников Л. О Есенине // Смена. 1926. № 15 (авг.), с. 10.
- 61 Шамов П. Отцу // Новый мир. 1926. № 6, с. 98.
- 62 Полонский В. Заметки журналиста // Печать и революция. 1926. № 7, с. 88.
- 63 Там же. 1926. № 6, с. 217–218.
- 64 Новый мир. 1926. № 10, с. 188.
- 65 Абатуров А. Через посиделки – в Комсомол // Комсомольская правда. 1926. 15 сент., с. 3.
- 66 Дивильский А. Болезни быта молодежи // Новый мир. 1926. № 11, с. 170–171.
- 67 Диспут в Академии Ком. Воспитания им. Крупской. «Луна с правой стороны» С. Малышкина. «Без черемухи» П. Романова. «Кореньковщина» В. Киршона // Молодая гвардия. 1926. № 12, с. 172.
- 68 Там же.
- 69 См.: Мустангова Е. Комсомольские поэты // Смена. 1926. 22 авг., с. 3; <Продолжение>. 29 авг., с. 3; Гальперин А. Довольно сезонной поэзии // Там же, 3 окт., с. 3; Тур. О Жарове и жаровщине // Смена. 1926. 4 дек., с. 2–3.
- 70 Асеев Н. Советская поэзия в 1926 г. // Ленинградская правда. 1926. 28 нояб., с. 5.
- 71 Олендер С. Комсомольские классики // Смена. 1926. 9 дек., с. 3.
- 72 Добин Е. О хорошем шофере и комсомольской поэзии // Там же. 31 дек., с. 2.
- 73 Там же. 4 нояб., с. 2. Публиковалось также в «Молодой гвардии» (1926, № 1).
- 74 Блейгардт А. Под знаком восклицательного знака // Ленинградская правда. 1926. 19 дек. с. 6; Голодный М. Мой ответ // Смена. 1926. 18 дек., с. 1; Светлов М. Через здоровую голову больной голове // Там же.
- 75 См.: Костров Т. Отчего пальба и крики и эскадра на Неве? (По поводу одной литературной дискуссии) // Комсомольская правда. 1926. 24 дек., с. 2–3.
- 76 Смена. 1926. № 5 (март), с. 9.
- 77 Бухарин Н. Злые заметки // Правда. 1927. 12 янв., с. 2.
- 78 Не случайно критика одним из своих объектов сделала рассказы П. Романова о любви, особенно классический «Без черемухи»: «...во всех встречах девушки с мужчиной у П. Романова совершенно отсутствует укоренившееся в наших отношениях товарищество. <...> Нет ни малейшего намека на то, что наша молодежь связана такими огромным и организующим явлением, как труд и трудовая солидарность» (Лунин Б. Пантелеймон Романов // Смена. 1926. № 17, с. 14).
- 79 Кедренский Вл. За красные посиделки // Красная газета. 1926. 23 дек., с. 5.
- 80 Стенограмма пленума правления ВАПП. 27–30 мая 1927 // ОР ИМЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 199, л. 199.